УДК 1(510)+299.5(510)

ББК 87.3(5Кит)+86.39(5Кит)

DOI 10.31554/2222-9175-2021-42-139-147

Т. Г. Мазур

ХАНЬ ЮЙ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА
ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ ЭПОХИ ТАН

Статья посвящена вопросу об отношении Хань Юя, типичного чиновника-конфуцианца 2-й половины эпохи Тан, к государственной службе. На основе анализа его произведений выявлено неоднозначное отношение к государственной службе, что отражает настроения, свойственные служилому сословию этого периода.

Ключевые слова: Хань Юй, эпоха Тан, служилое сословие, государственная служба, конфуцианство, даосизм, буддизм.

T. G. Mazur

HAN YÜ AND THE CIVIL SERVICE
IN THE SECOND HALF OF THE TANG EPOCH

The article is devoted to the question of the attitude of Han Yü, a typical Confucian official of the second half of the Tang epoch, to civil service. Based on the analysis of his essays, it was revealed that his attitude to civil service was ambiguous, that reflects the moods of the service class of this period.

Keywords: Han Yü, the Tang epoch, bureaucracy (service class), civil service, Confucianism, Taoism, Buddhism.

В историко-философской науке Хань Юй (768–824), мыслитель и чиновник эпохи Тан, известен как предшественник сунских неоконфуцианцев и непримиримый критик буддизма. Его творческое наследие – это массив произведений различных жанров и форм: помимо стихов (*шэ*, *гэ*) оно включает в себя рифмованную прозу – *фу*, трактаты, записки, письма, посвящения-предисловия, траурные речи и надгробные слова, мемориальные записи на стеле, прошения, жалобы и др. Его прозаические работы, написанные в стиле *гуэнь* [1], носят ярко выраженный публицистический характер, отражают социальную позицию автора, что позволяет лучше понять процессы, которые происходили в мировоззрении представителей танского служилого сословия.

Одной из главных тем конфуцианской литературы является тема государственной службы, важность которой была заложена еще самим Конфуцием. Выдвинутый им принцип «сыновней почтительности» обязывал всякого ставшего на путь «благородного мужа» (по сути, каждого чиновника) прославлять своих родителей, и утверждал в качестве единственного способа осуществления этого службу государю. Так, в «Лунь юй» сказано: «Не служить – это означает не соблюдать свой долг. ... Служба для совершенного мужа – это выполнение его долга» [Классическое конфуцианство... 2000: 200].

МАЗУР Татьяна Геннадьевна – кандидат философских наук, заведующая аспирантурой Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: mtbi@yandex.ru.

К периоду правления династии Тан в Китае сложился классический образец бюрократического аппарата государственной службы, породившей служилое сословие – социальную группу, в обязанности представителей которой входила служба государю, обеспечивавшая им право занимать привилегированное положение в обществе. Сакральность государственной службы обосновывалась в конфуцианстве как сословной идеологии этой группы.

Однако ко 2-й половине эпохи Тан в среде служилого сословия представление о государственной службе как обязательном условии исполнения благородным мужем своего долга значительно пошатнулось. Одной из основных причин этого стал социально-экономический и социально-политический кризис, поразивший Танскую империю после мятежа Ань Лушаня (755–763): рост крупных землевладений, потеря ранее завоеванных и вассальных территорий, уменьшение числа государственных податных, создание института генерал-губернаторства (*цзедуши*), война *цзедуши* с императорским домом и междоусобица, острое соперничество группировок и клик при дворе [История Китая 2002] – все это значительно подрывало власть правящей династии, а также стабильность существования самого служилого сословия. В этих условиях буддийско-даосская традиция предлагала представителям этого сословия альтернативный способ поведения [Янгутов 1998]. Не сумев найти себя на службе у государя, многие из них посвящали себя собственному духовному становлению, путешествовали, придавались отшельничеству. Например, известный танский поэт Мэн Хаожань (689–740), родившийся в семье, где соблюдались конфуцианские обычаи, и получивший традиционное конфуцианское образование, после неудачной попытки сдать государственный экзамен уединился в горах и вел жизнь отшельника [Дагданов 1997]. Тема «Прочь от мира!», как отмечает академик В. М. Алексеев [1978], стала одной из основных тем танской поэзии, а образ поэта-отшельника, отрекшегося от грубой повседневности, презревшего золото, чины и прочие атрибуты кажущегося земного благополучия, – весьма популярным в китайском обществе того времени [Дагданов 1997]. В свете вышесказанного представляется актуальным анализ литературного наследия Хань Юя с целью выявления его отношения к государственной службе.

К творчеству Хань Юя неоднократно обращались и обращаются как отечественные [Гусаров 1969, 1970, 1977; Желоховцев 1974; Кириченко 2018; Конрад 1966; Соколова 1979; Старостина 2020; Терехов 2018], так и зарубежные [Hartman 1986; Бянь Сяосюань и др. 1998; Ло Кэдянь 1982; Ло Ляньтянь 1981; Тань Цишань 1983; Хань Юй яньцзю... 1988] исследователи. Вместе с тем его творческое наследие все еще остается недостаточно изученным: большая часть его работ не переведена на русский язык, переведенные же работы требуют более глубокого анализа.

По своему происхождению, уровню образования и роду деятельности Хань Юй относится к типичным представителям служилого сословия, поэтому тема службы занимает основное место в его творчестве.

Сочинения Хань Юя, касающиеся государственной службы, можно разделить на три группы: к первой относятся работы Хань Юя – действующего чиновника, ко второй – Хань Юя, терпящего неудачи на государственной службе, а к третьей – Хань Юя, ищущего альтернативу этому роду деятельности.

Хань Юй как чиновник и типичный представитель служилого сословия

В творческом наследии Хань Юя большое место занимают работы, в которых он рассуждает, чаще всего с критических позиций, о современных ему реалиях по-

литической, социальной и экономической жизни. Прежде всего это доклады и письма Хань Юя-чиновника трону или вышестоящим властям о каких-то событиях в Поднебесной, в которых он вместе с критикой, как правило, излагает собственную оценку этих событий и дает свои рекомендации. К таким работам могут быть, к примеру, отнесены «Памятная записка трону от Цензората с суждениями относительно засухи и голода в Поднебесной» (Юй ши тай шан лунь тяньханьжэнь цзичжуан 御史台上论天旱人饥状), «Письмо помощнику цензора Лю в Эчжоу» (Юй Эчжоу Лю чжунчэн шу 与鄂州柳中丞书), «О кости Будды» (Лунь фогу бяо 论佛骨表), «Мятеж в Бяньчжоу» (Бяньчжоу луань эр шоу 汴州乱二首), «Послесловие к жизнеописанию Чжана, помощника главы Цензората» (Чжан чжунчэн чжуань хоусюй 张中丞传后叙), «Истоки пути» (Юань дао 原道) и др.

В «Памятной записке трону от Цензората с суждениями относительно засухи и голода в Поднебесной» Хань Юй, говоря о неблагоприятной природно-климатической ситуации в столичных уездах в уходящем году (засуха, ранние заморозки) и, как следствие, разорении народа, благодарит императора за уже предпринятые управленческие меры по стабилизации ситуации (освобождение людей от подати и арендной платы) и просит «явить особое снисхождение к столичному округу» и не взыскивать недостающие подушные подати, зерно и травы «до нового урожая пшеницы и выведения шелкопряда в предстоящем году» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 28]. В «Письме помощнику цензора Лю в Эчжоу» Хань Юй докладывает о том, что военный губернатор провинции Хуайси У Юаньцзи распустил свою армию, и она свободно грабит и разоряет местное население [Хань Юй... 1997: 197–198]. В своей знаменитой записке императору «О кости Будды» Хань Юй выступает против распоряжения императора доставить во дворец буддийскую реликвию – кусочек кости самого Будды, пытается отговорить императора от этого действия, описывая последствия, к которым оно может привести [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 30].

Некоторые работы Хань Юя не просто являются реакцией на конкретные события, а содержат открытую критику политики правящего дома. Так, в двух своих стихотворениях «Мятеж в Бяньчжоу» Хань Юй повествует о беспорядках, произошедших в городе Бяньчжоу в 799 г., и критикует правительство императора Дэ-цзуна за его «попустительскую» политику в отношении милитаристской власти генерал-губернаторов, сделавшую возможными подобные мятежи. В первом стихотворении, описывая разрушения и зверства, чинимые мятежниками, Хань Юй восклицает:

[Другие] князья совсем рядом –
И не могут прийти на помощь... [Хань Юй... 1997: 7].

Второе стихотворение уже содержит прямую критику в адрес императорского двора:

Императорский двор не желает
применить оружие... [Там же].

В «Послесловии к жизнеописанию Чжана, помощника главы Цензората» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 48–54] также имплицитно содержится критика Хань Юя в адрес политики императорского двора: он прославляет Чжан Сюня и Сюй Юаня, героически оборонявших свою крепость от повстанческих войск во время мятежа Ань Лушаня: «Обороня всего лишь одну эту крепость, они обороняли всю Подне-

бесную» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 50], воссоздает образы героев, на которых следует равняться в деле объединения страны.

Критикует Хань Юй и экономическую политику двора, в частности современную ему форму разделения труда в обществе. «Слагался из кого народ, тех было в древности четыре, [и] из шести [из таковых] народ слагается сегодня. Кто в древности учил народ – одним [из четырех] являлся, теперь же трое [из шести] наставниками оказались», – пишет Хань Юй в своем сочинении «Истоки пути» [Гусаров 1977: 204]. В результате того что даосы и буддисты пополнили категорию «наставников», простой народ (земледельцы, ремесленники, торговцы) подвергается еще более жесткой эксплуатации и нищает. В этом же трактате «Истоки пути» под критику Хань Юя попадает и современная ему политическая идеология: «Теперь же варваров закон у нас [приемлют], продвигают, превыше ставят, чем ученье правителей [Китая] ранних» [Там же: 206].

Тема государственной службы затрагивается в творчестве Хань Юя и в другом аспекте – его докладами трону по поводу благих знамений в Поднебесной, сообщать о появлении которых, как известно, входило в обязанности чиновника того времени [Терехов 2018]. Это такие работы Хань Юя, как «Донесение с докладом [о том, что] в Бяньчжоу обнаружили чудесные колосья и чудесные тыквы» (Цзоу Бяньчжоу дэ цзя хэ цзя гуа чжуан 奏汴州得嘉和嘉瓜状), «Письмо с поздравлением суйчжоускому пособнику достижению Чжану [в связи с поимкой] белого зайца» (Хэ Суйчжоу Чжан пу-е бай ту шу 贺徐州张仆射白兔书), «[Составленное] для правительственных сподвижников донесение с поздравлением [по поводу] выпадения снега» (Вэй цзайсян хэ сюэ бяо 为宰相贺雪表), «[Составленное для] правительственного сподвижника донесение с поздравлением [по поводу поимки] белой черепахи» (Вэй цзайсян хэ бай гуй чжуан 为宰相贺白龟状), «Докладная записка с поздравлением [по поводу появления] благовещего облака» (Хэ цин юнь бяо 贺庆云表), «Докладная записка с поздравлением [по поводу] дождя» (Хэ юй бяо 贺雨表), «Донесение с поздравлением [по поводу того, что] солнце не стало ущербным» (Хэ тайян бу куй чжуан 贺太阳不亏状) [Там же].

Таким образом, мы видим, что большой пласт литературного наследия Хань Юя – это работы, появившиеся в результате выполнения им своих служебных функций в качестве чиновника. В них Хань Юй предстает как типичный конфуциец, обеспокоенный состоянием дел в Поднебесной. Подобные работы позволяют судить о том, какие события происходили в танском обществе и какую оценку давали им представители служилого сословия.

Хань Юй о проблеме невостребованности на государственной службе

Во многих своих произведениях Хань Юй поднимает проблему невостребованности талантливых и образованных людей на государственной службе. К таким работам можно отнести, прежде всего, многочисленные сочинения-жалобы Хань Юя на собственные неудачи в карьере государственного служащего. Так, наиболее известными из подобного рода работ являются его письма, адресованные премьер-министру, к которому он обращается с просьбой о своем назначении на должность: «Письмо главному министру, написанное после девятнадцати дней ожидания» (Хоу шицзю жи фу шан шу 后十九日复上书) и «Письмо главному министру, написанное после двадцатидевятидневного ожидания» (Хоу няньцзю жи фу шан шу 后廿九日复上书) [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 10–18].

Однако Хань Юй не ограничивается лишь сетованиями на собственные неудачи на поприще государственной службы, он в целом сожалеет о том, что не находят

себе достойного применения на службе многие талантливые люди. Так, в своем произведении «Биография Хэ Фаня, выпускника Тайсюэ» (Тайсюэ шэн Хэ Фань чжуань 太学生何蕃传) он сокрушается по поводу некоего Хэ Фаня, закончившего конфуцианскую академию Тайсюэ: «О, какая жалость! Фань остался внизу, тот, кто мог быть полезен людям, не действует. [Если] сравнить его с водой, [то] он является озером, а не рекой! Тот, кто является рекой, высоко; тот, кто является озером, низко; высокое движется, низкое покоится, поэтому гуманность и долг Фаня наполняют сердце, пригодны для Императорской академии – накопленного много, [но то, что] применено, не обширно» [Хань Юй... 1997: 161–162]. В другом произведении Хань Юя – «Предисловии, подаренном Дун Шаонаню» (Сун Дун Шаонань сю 送董邵南序) [Там же: 207], последствия пренебрежения достойными людьми описаны им еще более катастрофично: Дун Шаонань, человек, наделенный большим талантом и способностями, необходимыми в деле управления, не находит им применения и в надежде поступить на государственную службу отправляется в Хэбэй – область, в то время отделившуюся от Танской империи и контролируемую мятежными генерал-губернаторами. В «Письме Юю, военному губернатору Сяньяна» (Юй Юй Сяньян шу 与于襄阳书), Хань Юй, рассуждая о взаимосвязи между «мужьями учеными и благородными» и «высокими лицами», пишет: «Тот, кто не имеет знатных покровителей, сгинет в неизвестности, как бы ни был ум его высок. Тот, кто не обрел последователей, как бы ни был он могуществен при жизни, не прославится в веках. Между теми и другими существует связь, они зависят друг от друга. Но встречаются один раз в сотню лет. Почему? ... Все дело в том, что те, кто ниже, полагаясь всецело на свой талант, не желают унизиться перед вышестоящим. Те же, кто попал наверх, уверились в своем могуществе и полагают, что единомышленников искать им нет нужды. Оттого многие великие таланты прозябают в неизвестности и нищете, а слава тех, кто занимал высокие посты при жизни, меркнет» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 7–8].

Находим мы в творчестве Хань Юя и аллегорическое отражение проблемы недооцененного таланта в обществе. В первом учении «О разном» (Цза шо 杂说) Хань Юй образно передает мысль о неразрывной связи мудрого правителя с достойным помощником, сравнивая первого с драконом, а второго – с облаком, которое этот дракон создает, и напоминает: «В «Каноне превращений» (т. е. в «Книге перемен». – Т. М.) говорится: «Идут вслед дракону облака» и поясняется: «Дракон, его сопровождают тучи»» [Гусаров 1977: 212]. В четвертом учении «О разном» Хань Юй, уподобив талантливого, способного человека «тысячеверстному скакуну», выражает протест непризнанию его собственного таланта, притеснению его друзей по службе и, в конечном счете, неспособности и нежеланию стоящих у власти чиновников находить применение достойным людям. Он пишет: «Сначала мир пусть обретет Болэ (известного в древности знатока коней. – Т. М.), тогда лишь и объявится скакун тысячеверстный. Скакун тысячеверстный, [он] всегда найдется, а вот Болэ найдется не всегда. А потому, хотя б и объявился конь знаменитый, [только бы и] знал от рук презренных слуг [себе он] посрамление, и сдох бы [он] в конюшне у кормушки, и скакуна тысячеверстного признанья б не обрел». И далее: «С хлыстом в руке к нему лишь обращаться и говорить при этом: «Не осталось коней [отменных] в Поднебесной!» Ох-хо! Иль вправду уж коней не стало? Иль правда в том, что в них не знают толк?»» [Там же: 213–214].

Вышеуказанные работы также раскрывают Хань Юя как типичного конфуцианца, нацеленного на государственную службу и публично распространяющего жалобы по поводу неудач на этом поприще, «подражая в этом своему великому пред-

ку династии неудачников – Конфуцию, резко различавшему достоинство человека и удачу» [Алексеев 1978: 155]. Они позволяют сделать вывод о том, что конфуцианство в этот период все же доминировало в мировоззрении служилого сословия, ориентируя его представителей на служение обществу и государству.

Хань Юй и мотив «Прочь от мира!»

В творчестве Хань Юя присутствует также попытка поиска альтернативы и даже замены государственной службе, что мы находим в ряде его произведений, объединенных мотивом «Прочь от мира!». Так, в стихотворении «Камни горы» (Шань ши 山石), написанном в 801 г. после остановки на ночлег в чаньском монастыре Хуэйлиньсы, Хань Юй, не состоящий в это время на службе и потерпевший очередную неудачу на дворцовом экзамене, рисует атмосферу умиротворения, неторопливой и размеренной жизни на природе, вдали от общества и заключает:

При жизни такой нетрудно
возрадоваться всему –
Зачем же сидеть непременно
на привязи у других!
В одном желанье признаюсь
моим немногим друзьям:
Хочу до старости жить здесь,
отсюда не уходить! [Поэзия... 1987: 269–270].

Другое стихотворение Хань Юя – «Ивовая аллея» (Люхан 柳巷) вскрывает его неполную удовлетворенность государственной службой и усталость от нее:

Ивовая аллея... Еще парит в воздухе пух.
Насколько еще задержится весна?
Мелкие чиновники делают перерыв в докладах и делах,
Министры заняты тем, что дарят весне стихи [Хань Юй... 1997: 77].

Усталость от суетного мира, граничащая с пониманием образа жизни отшельника, звучит и в произведении Хань Юя «Предисловие, подаренное Ли Юаню накануне его возвращения в долину Пань» (Сун Ли Юань гуй Паньгу сюй 送李愿归盘谷序): выслушав рассказ своего друга о всех прелестях проживания в «уединенной», «труднодоступной» долине, он восклицает: «Вот смажу я свою повозку и корма дам коню, да вслед за вами в Пань-долину... По ней бродя, закончу дни свои [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 79].

Надо отметить, что тема природы всегда звучала в китайской литературе: «истoki художественного отображения природы восходят в Китае к древнейшей эпохе народного творчества, начиная с самых ранних памятников поэтического творчества ... тема природы, многообразные картины пейзажа, изображение гор, ландшафта, рек родного края в той или иной степени присутствуют в большинстве произведений классической китайской поэзии». Однако для конфуцианца любование природой никогда не являлось заменой службы, как отмечает А. Д. Кириченко, природа («горы и леса») – это антипод «дворцу» [2018: 30–39]. Вышеприведенные же сочинения выражают желание их автора найти себя в затворничестве, вне службы обществу и государству. В то же время подобные попытки ухода от мира – это не

цель, а скорее альтернативный способ существования, и Хань Юй это четко осознает: «Мужу, вступившему на путь добродетели, если он не добьется успеха при дворе государя, остается идти в горы или леса. Но живущий в лесах, удалившийся в горы – это муж, одинокий в своем совершенстве, пекущийся о себе об одном, не пекущийся о нуждах и благополучии всей Поднебесной. Но не всякий может жить, не заботясь о делах Поднебесной. Вот почему, позабыв всякий стыд, я о себе хлопочу, сам себя выдвигаю» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 16].

Подобные работы Хань Юя подтверждают, что в этот период даже чиновникам, выступавшим против буддизма, не был чужд порыв «ухода от мира», что такой вариант социального поведения действительно получил развитие в среде танского служилого сословия, уже хорошо знакомого с буддизмом и теми возможностями, которые он, наряду с даосизмом, предоставлял для духовного самосовершенствования личности.

Таким образом, государственная служба представлена в творчестве Хань Юя неоднозначно: от безусловного признания ее необходимости до поиска альтернатив. В своих работах Хань Юй отразил те процессы, которые происходили в современном ему обществе, и реакцию на них служилого сословия. С одной стороны, государственная служба по-прежнему воспринималась представителями этого сословия как священный долг, с другой же – начала терять свою сакральную значимость.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Задачи и результаты по этапам реализации проекта “Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии с периода распространения буддизма до современности (Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)”» № 121031000261-9.

Примечание

I. Гувэнь (древняя литература) – стиль, противостоящий распространенному в то время парному (параллельному) стилю пянь вэнь, который уделял больше внимания форме, а не содержанию, что сковывало передачу смысла. Стиль гувэнь продолжал традицию древнего конфуцианского канона, ханьской прозы и сочинений «ста писателей», ему было свойственно применение языка, близкого к разговорному, малое использование идиом и т. д., благодаря чему из сочинений устранялась излишняя витиеватость и их содержание становилось понятнее (О гувэнь см.: [Желоховцев 1974]).

Литература

Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды / В. М. Алексеев. – М.: Наука, 1978. – 595 с.

Гусаров В. Ф. Некоторые положения теории пути Хань Юя / В. Ф. Гусаров // Письменные памятники Востока. 1972. – М.: Наука, 1977. – С. 197–203.

Гусаров В. Ф. О стилистическом моделировании прозы Хань Юя / В. Ф. Гусаров // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. – М.: Наука, 1969. – С. 39–50.

Гусаров В. Ф. Политико-философские воззрения Хань Юя (768–824 гг.) / В. Ф. Гусаров // Вестник Ленинградского университета. – 1970. – № 14. – Вып. 3. – С. 70–78.

Дагданов Г. Б. Танская поэзия / Г. Б. Дагданов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. университета, 1997. – 70 с.

Желоховцев А. Н. Литературные взгляды Хань Юя и Лю Цзунъюаня / А. Н. Желоховцев // Историко-филологические исследования. – М.: Наука, 1974. – С. 200–208.

История Китая: учебник / под ред. А. В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ; Высшая школа, 2002. – 736 с.

Кириченко А. Д. «Служба и затворничество»: проблема не востребованности ученого-конфуцианца в произведениях Хань Юя жанра цзэнсюй / А. Д. Кириченко // Проблемы литератур Дальнего Востока: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (24–28 августа 2018 г.). Т. 1 / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. – СПб.: НП-Принт, 2018. – С. 30–39.

Классическое конфуцианство: в 2 т. Т. 1 / пер., ст., коммент. А. Мартынова и И. Зограф. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 384 с.

Конрад Н. И. Хань Юй и начало китайского ренессанса / Н. И. Конрад // Запад и Восток. – М.: Наука, 1966. – С. 119–151.

Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) / пер. с кит.; ред. кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др.; сост. и вступ. ст. Л. Эйшлина. – М.: Художественная литература, 1987. – 479 с.

Соколова И. Послесловие / И. Соколова // Хань Юй, Лю Цзунъюань. Избранное / пер. И. Соколовой. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 166–185.

Старостина А. Б. Конфуцианская концепция передачи Пути в работах Хань Юя / А. Б. Старостина // *Orientalistica*. – 2020. – № 3(1). – С. 70–83.

Терехов А. Э. Благие знамения в жизни и письменном наследии Хань Юя / А. Э. Терехов // Проблемы литератур Дальнего Востока: сб. мат-лов VIII Междунар. науч. конф. (24–28 августа 2018 г.). Т. 1 / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. – СПб.: НП-Принт, 2018. – С. 60–72.

Федоренко Н. Т. Тема природы и человека в творчестве некоторых китайских поэтов / Н. Т. Федоренко // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1960. – Т. XIX. – Вып. 6. – С. 492–509.

Хань Юй. Избранное / Юй Хань, Цзунъюань Лю; пер. И. Соколовой. – М.: Художественная литература, 1979. – 230 с.

Янгутов Л. Е. Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь / Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. университета, 1998. – 160 с.

Hartman C. Han Yü and the T'ang Search for Unity / C. Hartman. – Princeton: Princeton University Press, 1986. – 459 p.

Бянь Сяосюань. Хань Юй пинчжуань (Биография Хань Юя с комментариями) / Сяосюань Бянь, Цинхуа Чжан, Ци Янь. – Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. – 586 с.

Ло Кэдянь. Лунь Хань Юй (О Хань Юе) / Кэдянь Ло. – Тайбэй: Гоцзя чубаньшэ, 1982. – 243 с.

Ло Ляньтянь. Хань Юй яньцзю (Исследования Хань Юя) / Ляньтянь Ло. – Тайбэй: Тайвань сюэшэн шуцзюй, 1981. – 457 с.

Хань Юй / сост. и пер. Тань Цишань. – Тайбэй: Ваньшэн чубань юсянь гунсы, 1983. – 219 с.

Хань Юй цюаньцзи (Полное собрание сочинений Хань Юя). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1997. – 390 с.

Хань Юй яньцзю луньвэньцзи (Собрание статей о Хань Юе). – Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1988. – 406 с.

References

Alekseev V. M. Kitajskaya literatura. Izbrannyye trudy / V. M. Alekseev. – M.: Nauka, 1978. – 595 s.

Gusarov V. F. Nekotorye polozheniya teorii puti Han' Yuya / V. F. Gusarov // Pis'mennyye pamyatniki Vostoka. 1972. – M.: Nauka, 1977. – S. 197–203.

Gusarov V. F. O stilisticheskom modelirovanii prozy Han' Yuya / V. F. Gusarov // Zhanry i stili literatur Kitaya i Korei. – M.: Nauka, 1969. – S. 39–50.

Gusarov V. F. Politiko-filosofskie vozzreniya Han' Yuya (768–824 gg.) / V. F. Gusarov // Vestnik Leningradskogo universiteta. – 1970. – № 14. – Vyp. 3. – S. 70–78.

Dagdanov G. B. Tanskaya poeziya / G. B. Dagdanov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. universiteta, 1997. – 70 s.

Zhelohovcev A. N. Literaturnyye vzglyady Han' Yuya i Lyu Czunyaunya / A. N. Zhelohovcev // Istoriko-filologicheskie issledovaniya. – M.: Nauka, 1974. – S. 200–208.

Istoriya Kitaya: uchebnyk / pod red. A. V. Meliksetova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Izd-vo MGU; Vysshaya shkola, 2002. – 736 s.

Kirichenko A. D. «Sluzhba i zatvornichestvo»: problema nevostrebovannosti uchenogo-konfucianca v proizvedeniyah Han' Yuya zhanra czensyuj / A. D. Kirichenko // Problemy literatur Dal'nego Vostoka: mat-ly VIII Mezhdunar. nauch. konf. (24–28 avgusta 2018 g.). T. 1 / otv. red. A. A. Rodionov, N. A. Somkina. – SPb.: NP-Print, 2018. – S. 30–39.

Klassicheskoe konfucianstvo: v 2 t. T. 1 / per., st., komment. A. Martynova i I. Zograf. – SPb.: Neva; M.: OLMA-PRESS, 2000. – 384 s.

Konrad N. I. Han' Yuj i nachalo kitajskogo renessansa / N. I. Konrad // Zapad i Vostok. – M.: Nauka, 1966. – S. 119–151.

Poeziya epohi Tan (VII–X vv.) / per. s kit.; red. kol. L. Delyusin, T. Red'ko, V. Sorokin i dr.; sost. i vstup. ct. L. Ejdlina. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1987. – 479 s.

Sokolova I. Posleslovie / I. Sokolova // Han' Yuj, Lyu Czun'yuan'. Izbrannoe / per. I. Sokolovoj. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1979. – S. 166–185.

Starostina A. B. Konfucianskaya koncepciya peredachi Puti v rabotah Han' Yuya / A. B. Starostina // Orientalistica. – 2020. – № 3(1). – S. 70–83.

Terekhov A. E. Blagie znameniya v zhizni i pis'mennom nasledii Han' Yuya / A. E. Terekhov // Problemy literatur Dal'nego Vostoka: sb. mat-lov VIII Mezhdunar. nauch. konf. (24–28 avgusta 2018 g.). T. 1 / otv. red. A. A. Rodionov, N. A. Somkina. – SPb.: NP-Print, 2018. – S. 60–72.

Fedorenko N. T. Tema prirody i cheloveka v tvorchestve nekotoryh kitajskih poetov / N. T. Fedorenko // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. – 1960. – T. XIX. – Vyp. 6. – S. 492–509.

Han' Yuj. Izbrannoe / Yuj Han', Czun'yuan' Lyu; per. I. Sokolovoj. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1979. – 230 s.

Yangutov L. E. Kitajskij buddizm: teksty, issledovaniya, slovar' / L. E. Yangutov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. universiteta, 1998. – 160 s.

Hartman C. Han Yü and the T'ang Search for Unity / C. Hartman. – Princeton: Princeton University Press, 1986. – 459 p.

Byan' Syaosyuan'. Han' Yuj pinchzhuan' (Biografiya Han' Yuya s kommentariyami) / Syaosyuan' Byan', Cinhua Chzhan, Ci Yan'. – Nankin: Nan'czin dasyue chuban'she, 1998. – 586 s.

Lo Kedyan'. Lun' Han' Yuj (O Han' Yue) / Kedyan' Lo. – Tajbej: Goczya chuban'she, 1982. – 243 s.

Han' Yuj yan'czyu (Issledovaniya Han' Yuya) / Lyan'tyan' Lo. – Tajbej: Tajvan' syueshen shuczyuj, 1981. – 457 s.

Han' Yuj / sost. i per. Tan' Czishan'. – Tajbej: Van'shen chuban' yusyan' gunsy, 1983. – 219 s.

Han' Yuj cyuan'czi (Polnoe sobranie sochinenij Han' Yuya). – Shanhaj: Shanhaj guczy chuban'she, 1997. – 390 s.

Han' Yuj yan'czyu lun'ven'czi (Sobranie statej o Han' Yue). – Guanchzhou: Guandun zhen'min' chuban'she, 1988. – 406 s.